

Таланты и поклонники

Монолог о многогранном ретро

Главное – отличать хорошее, плохое и посредственное, уверен Александр Филиппенко

Продолжение.
Начало на стр. 17

– Какой ваш зритель?

– Тот, кто идёт на афишу: Аксёнов, Высоцкий, Окуджава, Левитанский, Жванецкий Довлатов, Булгаков, Платонов, Зощенко – демарш энтузиастов. И публика идёт подготовленная. Не поностальгировать – нет. А сделать выбор: «Всё верно, друг, две жизни нам не жить. И есть восхода час и час захода. Но выбор есть. И дивная свобода в том выборе, где голову сложить» – помните, у Левитанского?

Кстати, о зрителе. По словам организаторов «Сцены», график работы с Филиппенко до последнего уточнялся – возможно, поэтому не было той самой афиши, а потому город ничего не знал о встрече с народным артистом. Потому в зал, чтобы он не пустовал, нагнали студентов консерватории, которым, конечно, не очень-то была интересна жизнь пожилого актёра – у них, как уже сказал сам Александр Филиппенко, своё ретро. И буквально через десять минут они начали разговаривать, а потом и вовсе уходить. Целыми компаниями, стуча каблуками и хлопая дверьми. Актёр, видя всё, старался не подавать виду, а нам было очень стыдно. И хотелось бы обратиться к педагогам молодых людей: научите их вести себя на концерте, уж коли они на него соизволили прийти. Или не забивайте ими зал – дайте всем жить своей жизнью. Но вернёмся к концерту.

Он был великолепен. Актёр умело вплетал в цитаты из любимых писателей собственные воспоминания, поданные так искромётно, что и не поймёшь: где тут Жванецкий, а где сам Филиппенко. И о стилягах, и о КВН, отцы которого, как оказалось, вовсе даже не Масляков с Гусманом, а совсем другие люди.

– Мы, физтех МФТИ, играли с первым мединститутом в 61-м. В 63-м начинается трансформация КВН: киевляне взяли в прокат костюмы из оперного театра – это было начало постановочного шоу. Прямой эфир, «оттепельские» шутки: «Вот стенд, который построил студент. А вот частица, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент. А вот инженер молодой, бледнолицый, который клянёт и судьбу, и частицу, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент. А вот кандидат, который блистательно сде-

лал карьеру, мешая работать тому инженеру, который клянёт и судьбу, и частицу, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент. А вот начальник отдела, на вид простоватый, который не любит того кандидата, который блистательно сделал карьеру, мешая работать тому инженеру, который клянёт и судьбу, и частицу, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент. А вот консультант из академии, с которым встречался время от времени начальник отдела, на вид простоватый, который не любит того кандидата, который блистательно сделал карьеру, мешая работать тому инженеру, который клянёт и судьбу, и частицу, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент. А вот и отчётов горы бумажные, в которых копалась комиссия важная, которая выдала крупную премию тому консультанту из академии, начальнику дали за вид простоватый, кусок выделили тому кандидату, который блистательно сделал карьеру, остатки достались тому инженеру, который уже не ругает частицу, которая с бешеной скоростью мчится в стенде, который построил студент».

Ещё была шутка физтеха: экзамены надо сдавать на луне. Там предметы легче в шесть раз, значит, все предметы будет в шесть раз легче сдавать. Но у нас шутки были абстрактными, а дело было как раз после той выставки, на которую сходил Никита Хрущёв и обругал абстракционистов. Ко мне подошёл Альберт Аксельрод, врач-анестезиолог Боткинской больницы и первый ведущий КВН: «Мы прикрываем КВН, что дальше – не знаем, а вы, молодой человек, приходите в студенческий театр МГУ «Наш дом». Там были собраны лучшие силы студенческой самодеятельности Москвы. В «Нашем доме» начинали Григорий Горин и Аркадий Арканов – тогда врачи скорой помощи, автор Чебурашки Эдуард Успенский из авиационного института, Семён Фарада из Бауманки, я из МФТИ, Аркадий Хайт, придумавший «Ну, погоди!» – из строительного...

Но всё было раздавлено танками на Вацлавской площади в Праге. Оттепель окончилась, студенческий театр закрыли. Сказали: Чехословакия началась со студенческих театров. Но его знали в Москве, и Юрий Любимов, четвёртый год работавший в Таганке, в театре, который каждый сезон по несколько раз закрывали, предложил мне

Евгений Рухманов

пойти к нему. В 69-м я поступил в Щуку и в театр на Таганке. Мои золотые годы...

Но, как у Жванецкого: неудержимо наступили семидесятые. «Они делали вид, что нам платили, мы делали вид, что работали». Запорожец – классная машина, особенно на парковке: сейчас эта собака уйдёт – и я встану на её место. Почему наш человек не боялся смерти? Потому что не жил ни разу. Почему партия была сильнее нас? Потому что мы по её призыву строили своё будущее, а они – своё настоящее. И анекдоты про Брежнева: «Мы с товарищами решили отправить Суслова на пенсию, так как у него развивается маразм». – «Как это выяснилось?» – робкий голос из зала. – «Я его встретил в коридоре – говорю: «Здравствуйте, товарищ Суслов». Он: «Здравствуйте, Леонид Ильич, только не Суслов, а Косыгин».

Или это: «Мы боролись, нас запрещали, это благодаря нам вы теперь...» Не слушай, мальчик. Мы спасались в юморе – в намёках, междометиях. Вот спроси: что было самым весёлым в нашей жизни? – Похороны членов Политбюро. Это было красиво, весело и целый год. В магазинах появлялась незнакомая еда. С утра по телевизору играла классическая музыка, отменялись концерты, а мы гадали: кто, кто? Брежнев? Косыгин?.. И тут торжественный голос диктора: «Вчера в 16 часов после продолжительной болезни...» Суслов! И вот тогда мы научились смеяться сквозь слёзы. А плакать надо было обязательно, мальчик, за этим о-о-очень следили.

Если бы в 81-м мне кто-то сказал, что будет 91-й, я назвал бы его сумасшедшим. Баррикады у Белого дома, зато как никогда актуальна миниатюра Райкина о коллективной безответственности: «Мы столько угля, столько стали!» – «Нет, лично вы что можете?» – «Мы столько хлеба, мяса, столько молока!» – «Нет, лично вы что можете?» – «Я могу пиво зубами открывать». Разрешили всё – пожалуйста, иди на сцену! Но что именно ты можешь с ней сказать? Вот так всё и проверялось...

Концерт длился полтора часа, потом долго дарили цветы, брали автографы, фотографировались. Александр Георгиевич, не забыв о своём обещании, уделил пару минут после концерта.

– «У каждого своё ретро», – сказали вы. Как с вашего ретро до нашей современности изменились качества и тематика смеха?

– Ой, не знаю, об этом пусть историки судят. Вы правы, смех разный. Наверное, ничего не изменилось: Вольтер своим смехом погасил костры инквизиции, а кто-то зажигает им свет. Главное – отличать хорошее, плохое и посредственное.

– Я к чему: что скажете о современном КВН?

– Он другой. Другие времена – другие имена. Я не буду решать, какие, это, опять же, удел историков.

– Талант актёра в вас был с детства, однако на сцену толкнул только «Наш дом». Если бы не он – получился бы актёр Филиппенко?

– Не знаю, но в 60-м и мысли не было идти в Щуку: атом, космос, Гагарин, к тому же это был «долюбимовский» театр, а там нечего было делать – абсолютный застой.

– Ваше поколение дало стране артистов, писателей, учившихся в технических вузах и не имеющих профессионального отношения к сцене: названные вами Успенский, Хайт, Фарада, а также Макаревич, Задорнов... Сейчас таких и ГИТИС не выпускает.

– Да. Не знаю, почему. Воздух другой, наверное. Важно услышать знак своего времени и соответствовать ему. Не трепаться, а, опять же: лично вы что можете – пиво зубами открывать? Тогда было, что сказать. Наверное, потому и получилось.

– Ваша фраза: «Актёр должен выходить на сцену каждый день».

– Так и получается, хотя в моём возрасте можно уже и отдохнуть немного.

– В одном интервью вы сказали: «Беда в том, что режиссёры не могут найти «своих» актёров, и им легче собрать собственный театр из студентов, которых они и выучили».

– Наоборот, актёру сложно найти «своего» режиссёра. А когда мастер собирает театр из курса – да, они четыре года говорили на одном языке – так проще.

– А не слишком много театров?

– Да, и это давно известно. Критерии размылись, разные системы координат. Нынче главное, с кем ты выступаешь, ибо много нерукопожатных людей. Не испортить бы некролог. Потому я предпочитаю работать моно.